

FANTASTIKA

Mike BROOKS

DARK RUN

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2017

Майк БРУКС

СЕКРЕТНЫЙ РЕЙС

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2017

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
Б 89

Mike Brooks
DARK RUN

Copyright © Mike Brooks 2015

First published by Del Rey in 2015. Del Rey is an imprint of Ebury Publishing, part of the Penguin Random House group of companies.

All rights reserved

Перевод с английского Ольги Полей

Иллюстрация на обложке Николая Плутахина

ISBN 978-5-91878-180-7

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2017

*Коту Спайку,
моему преданному другу и соавтору.
Спасибо за ласку, за мурлыканье и за то,
что пытался перегрызть кабель от ноутбука
не так часто, как мог бы.*

ДРОУНИНГ БЕНД

Бар Рэндалла располагался по меньшей мере на полмили в глубину, под каменной поверхностью Кармеллы-2, и обстановка там была завлекательнее некуда — ни дать ни взять сточная канава. Вывеска на двери из простых неоновых трубок, никаких тебе голограмм, световой бильярд глючит без конца, воздух спертый, кислый — можно представить, через сколько легких он прошел. Посетители — дюжина мужчин да с полдюжины женщин, поджарые, опасные подземные обитатели, привыкшие к тяжелой работе и скудной еде, все в разной степени опьянения, но, похоже, решительно настроенные продолжать до победного конца. Дрифт знал, что пиво у Рэндалла заказывать точно не стоит, и потому цедил понемногу из грязного стакана прозрачную жидкость, которая больше всего походила на растворитель для масляной краски, хотя, наверное, даже тот имел более утонченный вкус.

Случалось ему по собственной воле бывать и в менее приятных местах, но теперь он что-то не много таких мог припомнить — может, одно-два.

— Эй!

Голос высокий, ломкий, мальчишеский.

— Эй, мистер!

Из обращения никак не следовало, что оно относится именно к нему. Он остался сидеть как сидел, низко опустив

голову и пристально глядя в стакан. И, конечно, его тут же дернули сзади за бронжилет.

— Эй, мистер! Вы же Икабод Дрифт?

Дрифт вздохнул и поднял взгляд на свое отражение в зеркале за баром: острое, скуластое лицо, волосы до плеч, выкрашенные в фиолетовый цвет оттенка «вырви глаз» и прихваченные черной банданой, чтобы не лезли в глаза, кожа золотисто-смуглая — целиком заслуга предков: не столько времени он провел под ультрафиолетовым излучением разных солнц, чтобы загореть. Он развернулся на табурете и рассеянно поднял руку — почесать под механическим глазом, который всюю жужжал линзами, наводя фокус на мальчишку.

На Дрифта из-под светлого ежика волос таращились огромные шахтерские очки, закрывающие половину чумазого лица, а если учесть тонкий голос и почти бесформенный комбинезон — должно быть, обноски старшего брата или сестры, — то поди еще разбери, мальчишка это или девчонка. Дрифт постарался улыбнуться — той самой победной улыбкой, которая помогала ему забраться в чью-нибудь постель или выпутаться из неприятностей столько раз, что и не сосчитать. А между прочим, когда деньги играют в жизни такую роль, как у Икабода Дрифта, считать надо уметь будь здоров как.

— *Sí, soy yo*¹, — миролюбиво отозвался он, — а вот ты кто такой? Для юстита молод еще вроде.

Да и с чего бы юститам его сейчас разыскивать — помимо всего прочего, Икабод Дрифт вне закона пока еще не объявлен... в полном смысле слова. Им просто, как выражался в свое время старина Келсьер, интересовались. Кто именно и насколько, зависело от последних событий и от того, обеспечено ли у него на этот случай надежное алиби.

¹ Да, это я (*исп.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Вы же тот самый, который убил Гидеона Ксанта? — спросил мальчишка.

В полутьме бара повисла настороженная тишина. Банда Ксанта — «Дикие пауки» — последние восемнадцать стандартных месяцев держала в страхе целых три района этих живущих практически вне закона пчелиных сот — подземных ходов, пещер и заброшенных шахт, которые составляли так называемую Подземную часть луны под названием Кармелла-2, входившей в состав Соединенных Штатов Северной Америки. Дрифт своими ушами слышал уже три разные версии этой истории — как они вдвоем, он сам и его правая рука, разгромили «пауков», а потом приволокли труп Гидеона в Управление юстиции на Верхней Подземной, чтобы получить щедрую награду, обещанную за его покрытую шрамами голову, вернее, за то, что от нее осталось.

— Это ж где было-то, — сказал он, будто невзначай меняя позу так, чтобы видеть не только настырного юнца, но и дверь. Правую руку Дрифт небрежно уронил к бедру, поближе к кобуре с пистолетом. — Удивительно, как быстро молва разнеслась. Где это ты услышал такую новость?

— Да тут банда одна в городе появилась на днях, — звонким голосом проговорил мальчишка, — вот они и расспрашивали, не видел ли кто Икабода Дрифта, мексиканца, который убил Гидеона Ксанта. Десять баксов обещали тому, кто расскажет, где он.

— Ясно, — мрачно ответил Дрифт.

Не то чтобы это было неожиданно, но все же... Наверное, на лице у него что-то такое отразилось, потому что мальчишка — а может, девчонка все-таки? — вдруг метнулся назад и рванул к выходу, словно боялся, что его силой удержат, не дадут получить обещанную награду.

— Эй! — крикнул Дрифт вслед удаляющейся фигуре. — А имен ты их не расслышал часом?

— Только того, здоровенного. — Голова в защитных очках снова просунулась в щель приоткрытой двери.

Дрифт приподнял брови и нетерпеливо махнул рукой: мол, не тяни резину, парень.

— Он говорил, его зовут Гидеон Ксант.

Голова исчезла, дверь бара закачалась на петлях. Атмосфера напряженного ожидания резко сгустилась — чуть ли не вкус ее во рту ощущался. А может, желчь просто.

— Вот дерьмо, — бросил Дрифт, ни к кому не обращаясь, и соскользнул со стула, стукнув подошвами ботинок о грязный пол.

Чувствуя, что весь бар смотрит на него, он картинным жестом одернул бронжилет, поправил бандану, проверил пистолеты и решительно зашагал на выход. Громила — стареющий, но все еще здоровенный вышибала — кивнул ему, когда он проходил мимо.

— А может, не стоит тебе туда соваться, а, Дрифти?

— Да тут просто недоразумение наверняка, — ответил Дрифт с напускной уверенностью.

Громила выглянул за дверь, и на лбу у него появилось еще несколько морщинок в придачу к имеющимся.

— А мне что-то сдается, все не так просто.

— Ну, не знаю, — вклинился сидевший рядом Горноста́й.

Горноста́й был маленький, щуплый, его обязанности в баре Рэндалла состояли в том, чтобы присматривать за вещами, которые Громила конфисковывал у посетителей, — в основном это было любое оружие крупнее пистолета, потому что совсем без оружия в бар на Кармелле только дурак пойдет, — а потом раздавать их обратно на выходе, полагаясь на свою безупречную память.

— По мне, так как раз проще некуда — Гидеон-то, выходит, живехонек.

— Это как посмотреть, — ответил Дрифт и неторопливо вышел.

Перед ним лежало то, что в Дроунинг Бенд за неимением лучшего считалось городской площадью. Химический запах от протекающего где-то рядом промышленного стока пропитывал воздух, сразу же заползал в нос, стоило только окаться, условно выражаясь, на улице. Высоко над головой, на куполообразном своде, выбитом в цельном твердом камне, горели фонари, давая ровный яркий свет. Что в каком-то смысле было как раз некстати. Хоть какая-то тень, чтобы укрыться в ней, сейчас бы очень не помешала.

«Дикие пауки» ждали на площади. И среди них, в персональном, по особому заказу сделанном шестиногом шагающем кресле с мягким сиденьем, обтянутым, по слухам, настоящей воловьей кожей, возвышалась внушительная фигура Гидеона Ксанта.

У Икабода Дрифта мелькнула мысль — не развернуться ли и не пойти ли другой дорогой, но тут раздался крик. Его заметили.

— Дрифт! — проревел Ксант громовым басом.

Щелчком пальцев он подбросил в воздух что-то крупное, блестящее, и Дрифт успел заметить, как тот самый малолетка подскочил, поймал обещанную монету в десять баксов и тут же скрылся в узком переулке.

— Hola¹, Гидеон! — отозвался Дрифт и положил руки на пистолеты. На два из них, во всяком случае; запасной был засунут под ремень за спиной. — Хорошо выглядишь!

— Для покойника, хочешь сказать? — ухмыльнулся главарь банды. — Ребята, ну-ка, сделайте мне одолжение, возьмите-ка мистера Дрифта на мушку.

Не меньше дюжины стволов самого разного калибра, но примерно одинаковой убойной силы вскинулись и усталились прямо на Дрифта, что отнюдь не лучшим образом отразилось на его душевном спокойствии, а также потоотделении.

¹ Привет (*исп.*).

— Так-то лучше, — сказал Ксант. — Ребята, мы все знаем, что у мистера Дрифта проворная рука и меткий глаз, так что, если он начнет проявлять нервозность, не стесняйтесь, будьте так добры, наделайте в нем дырок для вентиляции, пока у него какие-нибудь идеи в голове не завелись.

Ксант чем-то щелкнул на контрольной панели, и его кресло зашагало вперед, а «Дикие пауки» двинулись рядом, по бокам, оружие по-прежнему на изготовку, и руки — вот досада — не дрожат.

— А дело такое, Дрифт. — Изрезанная шрамами физиономия великана-главаря нахмурилась — он глядел на Дрифта сверху вниз с высоко поднятого сиденья. — Сижу я, понимаешь, в баре на Нижней Подземной, никого не трогаю и тут слышу удивительные новости. Я-то, оказывается, уже покойник, и это вроде как твоих рук дело.

— Тут есть разные мнения, кто на спуск нажал — может, и не я вовсе, — ответил Дрифт, стараясь не слишком заметно коситься по сторонам.

— А, ну да, — кивнул Ксант. — Твоя правая рука. Это ж какую наглость нужно иметь, чтобы нарисоваться у юститов на Верхней и заявить, что убил меня, зная, что, если вранье раскроется, тебя самого вздернут. Наглость — это еще слабо сказано: ты же наверняка понимал, что до меня слухи дойдут и я захочу убрать всех, кто в курсе моей гибели. А поскольку я знаю, что ты на деле шавка трусливая, — должно быть, этот план та самая твоя правая рука и предложила.

Наигранно небрежный тон, хоть и повышенный, чтобы слышали все наблюдатели, притаившиеся у дверей и выглядывающие из-за занавесок, вдруг пропал. Теперь голос напоминал клинок, обнаженный, остро отточенный, и дружелюбия в нем было примерно столько же.

— Где эта сука, Дрифт?

— Кто же так говорит о леди, — отозвался Дрифт.

Он не успел даже приготовиться к удару. Ксант шевельнул рукой, металлическая паучья нога кресла взметнулась и сбила Дрифта с ног, он пролетел спиной вперед футов шесть и растянулся на земле.

— Я не о леди говорю, Дрифт, — прорычал Ксант. — Леди-то я повидал. Гулял с ними, кормил-поил и в койку укладывал. Одну так любил даже, было дело. Я тебе говорю про ту суку, которую ты всюду с собой таскаешь, а из нее такая же леди, как из меня. Где Тамара Рурк?

Несколько секунд тянулось напряженное молчание, пока Дрифт, приподнимаясь на локте, старался перевести дыхание и, не привлекая внимания, дотянуться до пистолета. Но отвечать ему не пришлось — на левом виске Ксанта загорелась маленькая красная точка.

— Здесь.

Дрифт отважился посмотреть направо. К ним, вскинув к плечу «Крусейдер-920» и нацелив ствол на Гидеона Ксанта, ровным шагом приближалась Рурк. Невысокая, тоненькая, в темно-зеленом боди, которое только подчеркивало бы мальчишескую фигуру, если бы ее не скрывало развевающееся длинное пальто. Шляпа была низко надвинута на лоб, а глаза так и блестели на темнокожем лице, когда она обводила взглядом строй «Диких пауков». Половина из них тут же перевела стволы на нее, но не такие же они идиоты, чтобы стрелять, когда она держит на мушке их босса. Тамара Рурк недаром заслужила репутацию меткого стрелка.

— И откуда ты такая преданная взялась, Рурк, — проворчал Ксант. Теперь, когда ему в голову был направлен ствол, главарь больше не делал вид, что просто ведет светскую беседу, и Дрифт, в общем-то, мог его понять. — Ты бы, может, еще успела смыться из этой дыры, пока мы с этим слизняком разбираемся, так нет, опять тебе всюду надо нос сунуть.

— Ты бы меня так и так выследил, — возразила Рурк, умудрившись пожать плечами и не сбить при этом прицел. —

И, между прочим, кто бы говорил. Властям же донесли, что ты убит. Самое время прекратить терроризировать вдов погибших солдат и вымогать деньги у торговцев — уползал бы уже куда-нибудь на покой с награбленными деньгами. Не ты первый.

— Да я бы, может, так и сделал, — прорычал Ксант, — ушел бы от дел, проматывал денежки и ржал до коллик над юсти-тами, но есть вещи, которые просто так спустить нельзя. Во-первых, этот ваш треп, что вы меня убили. — На его прикрытом шрамами лице отразилась смертельная ненависть. — А во-вторых, чтобы затребовать награду, вам нужно было тело, а здесь, под землей, только один человек мог сойти за меня по размерам. Вы, падлы, убили моего сына Эйба и при-тащили его тело этим гнидам из Верхней Подземной.

— Говорил я тебе — надо было дохлого медведя побрить и пальто на него надеть, — заметил Дрифт, бросив косой взгляд на свою напарницу.

— Тогда бы вся награда на импорт и ушла, — невозмутимо отозвалась Рурк.

— Заткнись, ты! — рявкнул кто-то из «пауков» и угрожающе повел стволом.

Дрифт прикинул, не подходит ли этот бандит под какой-нибудь из словесных портретов, составленных на приспешников Ксанта, — нет, ничего похожего. То ли недавно в банде, то ли из тех, кого никто не потрудились описать.

— А то что? — спросила Рурк. — Пусть кто-то из вас попробует только чихнуть, и Гидеон распростится с головой.

— А ты думаешь, меня это кольшет? — взревел Ксант. — Вы моего сына убили! Стреляй, но и вам обоим отсюда живыми не уйти!

Если бы ружье держал в руках Икабод Дрифт, он бы не преминул сказать что-нибудь язвительное. Что-нибудь такое, что надолго бы запомнилось. Такое, что потом никто из слышавших это не удержался бы, чтобы не повторить, и история

обросла бы подробностями, и все слушали бы и восхищались его остроумием перед лицом опасности.

Ясное дело, это дало бы «паукам» секунду-другую, чтобы подготовиться, а Тамара Рурк никогда не любила играть в рулетку. А потому в тот же миг, как из губ Гидеона Ксанта вылетел последний звук их смертного приговора, «Крусейдер» рывкнул один-единственный раз, и череп великана взорвался, разбрызгивая фонтаном кровь, мозги и осколки костей.

«Дикие пауки» промедлили драгоценные полсекунды. Бандиты привыкли запугивать владельцев баров, вымогать мзду у путешественников да изредка встречать в перестрелки с такими же, как сами, желательно при численном преимуществе. Чтобы женщина-одиночка вот так просто взяла и пристрелила их главаря — это для них оказалось совершенно невообразимо.

Неудивительно, что ни один не успел вовремя среагировать.

Дрифт выхватил пистолеты и начал палить куда попало; он видел, как два «паука» упали после его выстрелов — ранеными или убитыми, но тут же ему самому пришлось отчаянным рывком откатиться в сторону — туша Ксанта рухнула на контрольную панель шагающего кресла, и гироскопически стабилизированная машина зашагала вперед, прямо на Дрифта. Стрелял, надо сказать, не он один; град пуль из окрестных домов со всех сторон обрушился на внезапно оставшихся без прикрытия «пауков». Кое-кто вздумал отстреливаться, но эти обреченные попытки сопротивления сразу прекратились, когда свист возвестил о подлете снаряда, и тот взорвался, ударив в спину одного бандита. Взметнулось яростное оранжевое пламя, и брызги огня подожгли одежду еще двоих — и их самих.

Капли огненной смеси пролетели в нескольких дюймах от Дрифта, он кое-как увернулся, крепко выругавшись в адрес Михея. Плазменная пушка в руках бывшего солдата — дале-

ко не самое точное оружие, хотя и убийственно эффективное. Когда тщетные попытки воющего горящего бандита сбежать оборвала милосердная пуля в голову — не разобрать, чья и откуда, — уцелевшие «пауки», не считая тех, которые еще сбивали с себя огонь, поспешно побросали оружие и недвусмысленным жестом подняли руки.

Стрельба прекратилась. Дрифт встал, убрал оружие и отряхнулся. Заметил, что один из «пауков» сверлит его злобыным взглядом.

— Что еще?

— Все говорили, что твой экипаж от тебя разбежался! — возмущенно заявил тот — как шестилетка, которому сказали, что никакого пудинга не будет. — Потому что ты зажал их долю награды!

Из близлежащих домов стали появляться новые фигуры: Михей, все еще не сводящий с трусливо ежащихся бандитов своего устрашающего оружия, Апирана с винтовкой, казавшейся игрушкой в его огромных ручищах, Чанги, вооруженные пистолетами и изо всех сил делающие вид, что умеют стрелять, — и еще полдюжины юститов в черном, в шлемах с зеркальными забралами; вся операция была заранее спланирована совместно с ними.

— Ну, вот так, — вздохнул Дрифт, — в другой раз будешь знать, как сплетни слушать.

ДЖЕННА

«**Б**архатная гостиная» была все же поприличнее бара Рэндалла. Во-первых, спиртное тут наливали из марочных бутылок, и вкус у него был не такой, от которого кажется, что после пары бокалов ослепнешь на неделю. Во-вторых, обивка нормальная — положим, стильной ее тоже не назовешь, разве что имея слабость к бархату, но все лучше, чем голые доски. А в-третьих, «Гостиная» располагалась не где-нибудь глубоко под землей, среди путаницы тоннелей, под твердой корой Кармеллы-2 — она находилась на поверхности, и в небе, среди мерцающих огней атмосферобов, возвышающихся вокруг, словно светящиеся грибы, были видны настоящие звезды. Глаза Дженны Макилрой то и дело сами собой обращались к ним, когда они вспыхивали в поле бокового зрения, иногда перемежаясь проносящимися мимо маячками какого-нибудь грузового корабля или пассажирского лайнера. Она старалась не думать о том, что это за корабли, откуда прибыли и куда направляются. Галактика слишком велика, гадать можно только вслепую, а это вернейший путь к паранойе.

— Могли бы уже, кажется, и безопасную атмосферу обеспечить, — заметил Апирана Вахаваха со своим необычным, мягким, певучим маорийским акцентом, поднимая первую и единственную за весь вечер кружку пива и почесывая темный завиток «тамоко» на щеке.

Для немедленного устрашения противника «Большой Ап», безусловно, подходил лучше всех из экипажа «Кейко», универсального грузового космического корабля, который вот уже четыре стандартных месяца был для Дженны родным домом. Апирана был человеком выдающимся во всех смыслах — от телосложения и голоса до масштаба личности, — а племенные татуировки, покрывавшие бóльшую часть его тела, придавали ему в глазах Дженны что-то инопланетное, диковинное даже для этой галактики чудес. Надо сказать, спиртного он почти не пил, а если и пил, то наливал только раз и цедил потом не спеша, потихоньку.

— На звезды полюбоваться, конечно, приятно, но иногда и прогуляться хочется, сами понимаете.

— Я слышал, они над этим работают, только у них еще не все готово, — отозвался Икабод Дрифт. В противоположность непьющему маори тощий, как хлыст, капитан «Кейко» уже на треть осушил бутылку виски и, судя по всему, снижать темп не собирался. — Какие-то там растения, что ли. Правда, одним звездам известно, сколько еще времени пройдет, пока можно будет дышать.

— Да и не будут они особенно-то стараться, — вставил Михай ван Шакен, потягивая из высокого стакана голландский лагер — как он уверял, лучший во всей галактике, хотя остальные члены команды в один голос утверждали, что больше всего он похож на разведенную водой мочу. — Стоит человеку выбраться наружу, как ему в голову лезут всякие мысли о свободе, а для правительства это нож острый. — Он убежденно кивнул. — Человека надо держать за стальными стенами и толстыми стеклами и говорить ему — это, мол, все ради твоей же безопасности. Пусть думает, что без них пропадет, привыкнет к тому, что тюрьма ему дом родной, — еще и спасибо скажет.

— Ты у нас прямо неиссякаемый источник оптимизма, — усмехнулся Дрифт, и в белизне улыбки сверкнул серебряный зуб.

Бывший солдат только языком прищелкнул.

— Смейся-смейся, а я-то видел, что свобода с человеком делает. Убивает, вот что.

Он умолк и уставился в свой стакан, словно не мог оторваться от зрелища лопающихся пузырьков.

«Что он там видит? — подумала Дженна. — Залпы зениток? Кровавые ошметки?»

Когда человеческая популяция заселяла галактику, это не было похоже на мирную утопию, как, возможно, надеялись идеалисты. Стоило людям оказаться за пределами Первой Солнечной системы, как сдерживающая сила закона на них уже почти не действовала, а те редкие планеты или схожие с ними по размерам спутники, которые могли похвастать атмосферой, подходящей для выживания организмов земного происхождения, и не требовали серьезного терраформирования, представляли для них чрезвычайную ценность.

Неудивительно, что в необъявленных войнах за пригодные для жизни миры и богатые полезными ископаемыми спутники пролилось немало крови и что все, кто мог, вводили туда войска под прикрытием деклараций о «защите наших интересов». Михей служил в свое время в пограничной охране Европейского Содружества, но, по-видимому, в конце концов ему надоело сражаться ради обогащения всех подряд, кроме себя самого. Из бывших солдат далеко не он один пришел к таким выводам, и Дженна никого из них не могла винить.

— Думаешь, свобода — это так плохо? Попробовал бы, каково без нее, — многозначительно проговорила Цзя Чанг.

Краснозвездная Конфедерация была одним из самых авторитарных правительственных конгломератов, и Цзя и ее брат Куай не скрывали, что мечтают заработать денег, чтобы забрать родителей из Чэнду, со Старой Земли. «Кейко», само собой, нечасто заходил в системы, принадлежавшие Конфедерации, — с китайским языком у Дрифта было не очень, да

и с русским немногим лучше, — однако, по отзывам, правила легальных грузоперевозок там установлены такие свирепые, что получить работу в качестве независимого подрядчика почти невозможно. А «серые» заказы контролировали бандиты — пожалуй, еще жестче.

— Они озеленят спутники этой планеты, если это в человеческих силах, — твердо заявила Тамара Рурк. Кивком она указала на сине-зеленый полумесяц Кармеллы Прайм, огромного газового гиганта, видневшегося в паре верхних окон. — Света здесь достаточно, чтобы растения выживали даже при таком орбитальном цикле, а это хорошие условия для озеленения, такой шанс нельзя упускать.

Михей только хмыкнул. Была у нелюдимого голландца такая манера, Дженна уже заметила: высказать свое мнение, но от дискуссии уклониться. Военная служба мало способствует разностороннему мышлению, там ведь подход такой: «Еще шевелится? Значит, стреляй». За этим, по правде сказать, Михея и взяли в команду.

— Так что, какие планы? — спросила Дженна. Она, как самая молодая и к тому же новенькая в экипаже, все еще остро чувствовала, как невысок пока ее статус, даже если остальные никак этого не подчеркивали.

Дженна пришла в бар на Большом ФранкLINE в отчаянной надежде найти хоть какой-нибудь способ покинуть планету, хотя ей катастрофически не хватало на билет, но бесплодные поиски корабля, готового принять ее на борт, вылились в попытку утопить горе в вине, так что и тех денег не осталось.

Она плохо запомнила тот вечер — кажется, как-то так вышло, что она разговорилась с Тамарой Рурк, а потом потащила ее за дверь — показать, как здорово умеет взламывать электронные замки, даже когда пьяна в стельку. Этот фокус помог ей получить место на «Кейко», хотя едва не навлек на их головы гнев местных органов правопорядка,

но Дрифт списал это на неизбежные трудности начального периода. И до сих пор она проявляла себя хорошо: умело добывала информацию, к которой им был закрыт доступ, на ходу прописала новый идентификатор, когда им вдруг понадобилось выдать свой корабль за другой, и, наконец, устранила неполадки, из-за которых голографический экран все время трясся, как в эпилептическом припадке, если только кто-то не обопрется на него с другой стороны. Вот стрелять она толком не умела, хоть убей, потому-то ее и оставили на борту «Ионы», межпланетного челнока, во время последних приключений.

— План такой, — отозвался Дрифт, потягивая виски и прерываясь, только чтобы выпустить изо рта колечко ароматного дыма с видом почти искреннего наслаждения, — зайти завтра еще раз в офис Управления юстиции и посмотреть, не назначили ли там соблазнительного вознаграждения еще за кого-нибудь.

— По второму разу один и тот же трюк не сработает, — предостерегла Рурк.

Она сняла шляпу, открыв коротко остриженные волосы — густую черную копну без единого проблеска седины. Никто, похоже, не знал возраста Тамары Рурк, даже Дрифт, который вот уже девятый год проводил с ней бок о бок почти все время. Дженна подозревала, что ей хорошо за сорок — пожалуй, она старше капитана, хотя, если судить по лицу, легко промахнуться лет на двадцать и в ту и в другую сторону, в зависимости от того, насколько баловала ее жизнь. К тому же, кто ее знает, вдруг она «Буст» пьет, чтобы замедлить процесс старения. Черты лица, не слишком-то женственные, хотя и тонкие, мальчишеская фигура и неожиданно густой голос вполне позволяли ей при необходимости выдать себя за мужчину. Рурк никогда об этом не заговаривала, но Дженна хотя и смутно, но с острой неловкостью припоминала: кажется, ее первый контакт с экипажем «Кейко» на самом деле

начался с того, что она спьяну попыталась познакомиться с «этим парнем».

— Нельзя быть такой пессимисткой, — упрекнул Дрифт помощницу, прищелкнул языком и поднял палец. — Подумай, как здорово можно заработать! Это если посчитать, сколько мы сегодня загребли. — Он мысленно пробежался по списку. — Хватит, чтобы починить гравитационную панель генератора Хайма в грузовом отсеке, заменить теплозащитные экраны на «Ионе», подзаправиться, да еще и на выпивку останется. За один день работы!

— День работы, за который мы чуть голов не лишились, — отрезала Рурк.

Дженна еще не научилась как следует подмечать едва уловимые перемены в выражении ее лица, по которым только и можно было отличить наигранную невозмутимость от абсолютной серьезности. Обычно — и сейчас тоже — она предпочитала перестраховаться и принять Тамарины слова всерьез. Апирана говорил, что видел однажды, как Рурк смеялась, но Дженна не знала, верить ему или нет.

— Все было полностью под контролем, — стоял на своем Дрифт, с ослепительной улыбкой поднимая бокал. — Мы же за них работу делаем, закон охраняем!

В этой паре он был шоуменом, ярмарочным зазывалой при суровой старшине Рурк. Пока люди соображали, что стоило бы, пожалуй, обратить внимание на тонкую темную фигуру на заднем плане, их, как правило, успевали обжужить, взять на слабо или втянуть в серьезнейшие неприятности.

— А по-моему, пора отсюда сваливать, — возразил Апирана. — Вот если бы сначала отловить несколько мелких сошек, а потом уже Ксанта завалить — это еще ладно. А теперь попробуй вотрись в доверие, когда наши имена уже на слуху. Ксанта найти было нетрудно. А вот те, что помельче, — дело другое. Все, кто что-то знает, будут держать язык за зубами,

так что положение у нас будет не лучше, чем у юститов. А то и хуже — у них-то власть, а у нас одни пушки.

— И пушек хватит, — сказал Михай.

— Это если мы сами станем законы нарушать, — язвительно заметил Апирана.

Михей только плечами пожал и вернулся к своему пиву. Он всегда считал, что грубая сила — это язык, способный убедить кого угодно.

— Я предпочитаю остаться на стороне закона, — вставил Куай, вертя в пальцах висящий на шее талисман — фигурку дракона.

Он не добавил «хоть раз», но и так было понятно. У Дрифта и Рурк подход к законам любых правительств по всей галактике всегда одинаков: первым делом целесообразность, а потом уж повиновение порядку.

— Ну да, у тебя же самая опасная работа, в машинном-то, — фыркнула Цзя и крепко постучала себя по груди. — А мне — знай вычисляй слепые зоны, удирай от охраны, прячься под хвостом у грузового корабля, чтобы замаскировать наш след выбросов, с риском зажарить нас всех в обратном потоке, рассчитывай переходы из одной системы в другую...

— И если ты где-то проколешься, мне тоже или смерть, или решетка, — возразил Куай. — Разнылась тут.

— Если я говорю, что предпочитаю поменьше рисковать жизнью или свободой, это еще не значит...

— *Cállate*¹, — вздохнул Дрифт, и брат с сестрой послушно умолкли. Дрифт плеснул еще на два пальца виски, понюхал, пригубил и снова поставил стакан на стол. — Завтра утром я пойду в офис Управления юстиции, посмотрю, есть ли что-нибудь такое, с чем стоит связываться. Есть — значит, сделаем доброе дело и получим за это денежки. А если нет... Тогда прикинем, какие у нас еще варианты.

¹ Замолчи (*исп.*).

ЗАКОНОПОСЛУШНЫЙ ГРАЖДАНИН

Большая часть миров, живущих или живших когда-то добычей полезных ископаемых, где Дрифту случалось бывать, четко делилась на разные социальные пласты — да, «пласты», пожалуй, самое точное слово. Государственные чиновники и люди богатые, со связями и положением, жили на поверхности. Даже там, где у планеты не было пригодной для дыхания атмосферы, как, скажем, на Кармелле-2, от герметично закупоренных особняков, атмосферобов и государственных офисных зданий в псевдоготическом стиле, соединенных сетью приподнятых над землей тротуаров, так и веяло запахом денег и власти.

Такие же герметичные багги и краулеры разъезжали от шлюза к шлюзу по поверхности планеты, облака пыли и грязи от шин и гусениц поднимались в... в диоксид углерода, или азот, или что там у них вместо воздуха. Дрифт толком не знал, да и не все ли равно; главное — дышать лучше не пробовать.

Под землей жили люди попроще. Когда выгребут все имеющиеся в этих местах полезные ископаемые, компания всегда может получить доход по второму разу: открыть шахту, расширить и продать застройщику, чтобы тот втиснул туда стандартный сборный дом. В таких местах, как Кармелла-2, вся кора была основательно изрыта вширь и вглубь и представляла собой настоящие соты из тоннелей и пещер. Жела-

ющих поселиться там хватало, несмотря на то что такая обстановка кого угодно доведет до клаустрофобии, а электричество позарез необходимо не только для всяких там роскошеств, но и просто для выживания: положим, скандалы пятидесятилетней давности вокруг воздушной ренты — это дело прошлое, но если вдруг не сработают атмосферные заслонки или насосы выйдут из строя, обитатели шахты и задохнуться могут.

— И как только кто-то соглашается там жить? — проговорила Дженна, рассеянно теребя массивный металлический браслет, который всегда носила на правой руке.

Девушка кивнула в сторону маглифтовой платформы, уходящей вниз, на Подземную. Они стояли в ярко освещенном зале — гулком помещении размером чуть ли не с самолетный ангар — и разглядывали спящих взд-вперед людей: шахтеров, юститов, уборщиков, офисный персонал и других, чьи роли и функции определить было труднее.

— Не столь уж многие и соглашаются, — беззаботно ответил Дрифт.

Он слегка маялся с похмелья, но ему все еще кружил голову вчерашний успех, так что всерьез жалеть себя не получалось. Кроме того, они отхватили солидное вознаграждение: один Гидеон Ксант стоил пятьдесят тысяч долларов США, пусть их долю и урезали, поскольку они работали совместно с юститами. Когда к одной из самых крупных шахт, доступных только для транспорта, подкатил рычащий трехосный автомобиль — его неумолкающий рев словно эхом отдавался в голове, — Дрифт все-таки поморщился.

— Но шахтерское дело не больно-то прибыльное, а если хочешь скопить денег, чтобы развязаться с этой жизнью, приходится экономить. Внизу жилье дешевое, вот и все.

— Дешевое и мрачное, — пробормотала Дженна.

Дрифт позволил себе улыбнуться. Дженна была очень скрытной, когда дело касалось ее прошлого, но Дрифт не со-

мневался, что родом она либо с Большого Франклина, где они ее подобрали, либо с планеты-сестры — Малого Франклина. Обеим планетам, чтобы стать обитаемыми, терраформирования понадобилось всего ничего, и населял их почти исключительно средний класс и выше, если не считать обслуживающего персонала — куда же состоятельным людям без него. Скорее всего, Дженна тоже была из богатой семьи, и Дрифт с невольным любопытством думал, почему она так здорово разбирается в технике — уровень образования тому причиной или подростковый бунт так проявился?

— Ты бы посмотрела, что еще ниже творится, — сказал он. — Там и света меньше, и воздух еще гаже. Там одни тенивики живут.

— Кто?

Дрифт усмехнулся. Ему нравилось знакомить Дженну с галактикой, его невольно забавляло то, что она так мало знает о некоторых сторонах жизни; похоже, новые голографические экраны на богатых планетах Соединенных Штатов Северной Америки сильно приукрашивают действительность, замалчивая многие неприглядные подробности.

— Ну, знаешь, люди, которые наскребают себе на пропитание из отвалов породы или таких жалких огрызков рудных жил, что горнодобывающие компании не хотят с ними связываться. — Он засунул пальцы под ремень пистолета, все больше увлекаясь разговором. — Ну, в общем, это такое место, где имен не называют и вопросов не задают, и если проснешься утром, то тебе уже, можно сказать, повезло — тут ведь надо еще с умом выбрать место, где уснуть. Вот где скрываются самые отпетые преступники, между прочим. Зато если утром все-таки проснешься, то можешь начать совершенно новую жизнь. — Он украдкой покосился на нее. — В этом отношении тут все равно что на «Кейко».

— Думаешь, у нас на борту тоже собрались отпетые преступники? — спросила Дженна с притворным ужасом.

— Я не в этом смысле, ты же знаешь, — улыбнулся Дрифт. — Хотя если понимать «ответые» как «безнадежные», то про Михея, пожалуй, можно и так сказать — в этом деле он безнадежен абсолютно. — Он удовлетворенно вздохнул. — Нет, я о том, из-за чего в том числе так здорово жить в наше время. Всегда можно начать с чистого листа, и всегда где-нибудь да найдется компания, где никто не станет докапываться до твоего прошлого.

Дрифт подождал ответа, но Дженна только кивнула серьезно и, к некоторому его разочарованию, никакими историями из своей прошлой жизни делиться не стала. Правило «Кейко» — не расспрашивать других членов экипажа об их прошлом — оставалось неписанным только потому, что Дрифт был уверен: читать правила все равно поленятся, но он, по крайней мере, имел какое-то представление о том, что привело на корабль большинство его людей.

Конечно, Рурк по-прежнему оставалась загадкой, хоть и летала с ним дольше всех. Всего через какой-нибудь год после того, как стали работать вдвоем, они выкупили Цзя, тогда еще девочку-подростка, из тюрьмы в Шанхае, на Старой Земле. Ее обвиняли в угоне шаттла с целью покататься, и Дрифт с Рурк сразу почувствовали, что такой несомненный природный талант грех оставлять гнить за решеткой. А что пришлось пустить в ход поддельные документы — так это просто стечение обстоятельств, как и то, что они помогли ей бежать из-под залога на следующий же день вместе с братом, который нанялся к ним в механики.

Апирана — бывший заключенный и бывший бандит, решивший покончить с прошлым. Дрифт иногда чувствовал некоторые угрызения совести из-за того, что нанял его в качестве мышечной силы на корабль, пользующийся сомнительной репутацией, но здоровяк-маори был ему только благодарен, и в конце концов капитан решил, что особенно переживать тут не о чем. Михей появился относительно

недавно — всего года два назад. О службе в пограничной охране он почти не рассказывал, но Дрифт готов был поспорить на хорошие деньги, что лицо этого наемника красуется в какой-нибудь газете среди портретов дезертиров. А вот с Дженной было непонятно. Что могло заставить девушку из богатой семьи в двадцать с небольшим упиться в хлам, бросить уютный дом с пригодной для дыхания атмосферой и связаться с компанией беспутных авантюристов?

При других обстоятельствах Дрифт закрутил бы с ней роман и разговорил на раз, но, к своему удивлению, за эти месяцы он понял, что к Дженне его совсем не тянет, хоть она и симпатичная. Еще удивительнее, что и ее, кажется, тоже не тянуло к нему. Вместо этого он вдруг оказался в роли гида и наставника, и ему хотелось ее только... защищать.

Стареет, не иначе.

— Ну, — сказал Дрифт, когда стало ясно, что девушка не намерена признаваться, что же ее все-таки к ним привело, — мне пора. Смотри, чтобы Куай не спустил все деньги на запчасти, слышишь? Я не хочу его в город пускать, нам нужно только самое необходимое.

— Он говорит, все необходимо, — ответила Дженна, закатив глаза. — Не волнуйся, если он начнет выступать, я его просто побью.

— Молодчина, — рассмеялся Дрифт. Подавил в себе желание погладить ее по голове и вместо этого хлопнул по плечу. — Я буду на «Ионе» где-нибудь через час. Ну, до скорого.

— Не скучай, — усмехнулась Дженна и повернулась, чтобы уйти.

Ее ждал их бортинженер и, наверное, уже терял терпение. Не то чтобы Дрифта это особенно беспокоило; при всей ершистости Михея и заносчивости Цзя из всех недостатков членов их экипажа пассивная агрессивность Куая выводила из себя сильнее всего. Но дело свое парень знал неплохо, а значит, оно того стоило.

Дрифт глубоко вздохнул, стараясь вытряхнуть из головы похмельную муть, и направился к ближайшей пассажирской маглифтовой платформе весьма бодрой походкой. Пусть он сейчас небогат, но кое-какими ресурсами располагает, а значит, теперь не так сложно и по-настоящему разбогатеть.

О том, что разбогатеть он пытался последние двадцать лет и ничего существенного в долгосрочной перспективе эти попытки не принесли, думать не хотелось.

Платформа — истертый подошвами прямоугольник из металлических пластин — начала плавно спускаться в шахту; это был гораздо более прямой и быстрый путь, чем извилистые туннели, вырытые шахтерами, когда те отыскивали пласты породы.

Раздвижные двери сомкнулись над головой Дрифта, множество маленьких лампочек, вмонтированных в стены, освещали его и его попутчиков: двое юститов с ружьями на ремнях, чтобы можно было быстро выхватить оружие, но при этом рука оставалась свободной для висевшего на боку шокера, — должно быть, отправляются в подземный обход на смену; маленькая женщина в никабе — большой палец левой руки завис над пультом управления даталинзой, закрывающей левый глаз, иногда из-под никаба показываются брови — когда она тихонько прищелкивает языком и хмурится; стайка подростков, одетых в яркие шмотки — корпоративные логотипы так сверкают, что могут поспорить с лампочками на стенах, от плеча к плечу тянутся картинки и лозунги с микропроцессорами под прозрачной оболочкой; с полдюжины шахтеров, которых судьба загнала в какой-то дальний туннель, где все еще с ревом скребут породу машины; в углу — трое сурового вида мужчин, старающихся незаметно наблюдать за юститами и излучающих ауру, заставляющую даже подростков относиться к ним с уважением.

Дрифт стоял, опустив неподвижный взгляд в пол и усиленно напрягая слух. Маглифт шел почти бесшумно, и Дрифт